

35. КРАСОТА

В 12 веке жители города-крепости Городен, представляющие собой конгломерат дреговичей, руси, волынян, ятвягов, балтов, не знали, что Земля вертится вокруг оси, заставляя реку Неман лизать и подтачивать крутой правый берег, на котором встала небольшая, но тяжелая каменная церковь, названная: Борисоглебская. Если бы знали, то храм возвели бы подальше от речного обрыва – и в 19 веке (1853, 1889) в Неман в результате оползня не рухнули бы южная и западная стены церкви, и сегодня я бы не смог найти ответ на вопрос: что заставило древних славян поставить храм на опасном, как выяснилось позже, месте?

28 августа 2004 года. Я стою на смотровой площадке, оборудованной возле церкви, над речным обрывом. Внизу блестит голубизной Неман, обрамленный тонкой полоской зелени. За рекой в белесой дымке беспорядочно громоздится Гродно. Плывут белые облака. Я так высоко, что могу потрогать их руками. Если не дотянусь, мои руки превратятся в крылья. Подпрыгну – и легко воспарю над храмом, где ангелами, архангелами, херувимами, серафимами летают опрятные старушки, смиренные девушки, мудрые старички, серьезные детки. В плоти своей они толпой стоят рядом со мной, на смотровой площадке, но души их, точно знаю, вещают миру об увиденной красоте.

Души моих современников воспарила красота ландшафта. Та самая красота, под воздействием которой в конце 12 века мои предки построили Борисоглебскую церковь именно на высоком берегу Немана. Впрочем, красота нынче не совсем та, что была тогда. Представьте, ангелы мои современные, что вы наблюдаете не грязные домишки заречного микрорайона, не уродливые промышленные корпуса, не захламленные автомобильными крышками речные берега, не ржавую баржу в воде, не брошенный «Запорожец» в лебеду, а видите по ту сторону Немана зеленое море лесов, манящее тайной...

Завидую древним! Младо-христианские ангелы Беларуси 12 века, вознесенные девственной красотой природы, несомненно, летали выше и видели больше нынешних, хотя и не чистили крылышки универсальной пастой «Fairy». Ангельская весть о прекрасном была нужна моим предкам так же, как и своевременная весть о нашествии врага. Естественные ландшафты хранили их стратегически и эстетически.

Архитекторы и строители 12 века, декорируя внешние стены Борисоглебской церкви отшлифованным камнем, глазурованной керамической плиткой, переносили природную гармонию в человеческую среду. Увы, рукотворная красота уязвимее красоты природной. Умельцы 20 века, обмазав восстановленные (в дереве) южную и западную стены церкви бордовой (кажется) краской, уничтожив заречный лес, захлавив Неман, обезобразив берега, разрушили гармонию храма, горы, реки, человека.

А Земля – крутится, передает силу вращения обмельевшему Неману. Река подтачивает крутой берег, готовясь обрушить церковь. Чтобы Неман стал сильнее, небо посылает дождь, по береговой круче скатываются в реку потоки

воды, подмывают валуны, укрепляющие склон, приближают новый оползень, а значит, час смерти Борисоглебской (Коложской) церкви в Гродно и ренессанс первичного ландшафта.

Когда природа торжествует свою непобедимость, люди злятся. Они привыкли, что должно быть наоборот. Чтобы победить природу, они решили подпереть склон под церковь железобетонными балками. Привезли их, сгрузили у подножия горы, забыли, потеряли в траве и мусоре. Спыхватятся, когда очередной ливень выроет под храмом и смотровой площадкой могилу, куда рухнут все ангелы, архангелы, серафимы, херувимы, обретшие греховное тело человека. И это логично. В сделанную своими руками красоту люди вкладывают и свою безответственность за нее, следовательно, свою бесноватость.

Естественный ландшафт – это небольшой характерный участок природы, где все природные компоненты находятся в сложном взаимодействии, приспособлены друг к другу, бесконечно производят жизнь, то есть красоту. Я дал собственное определение ландшафта, основанное на научной литературе и личных наблюдениях.

Ландшафт люди обычно называют пейзажем, не подозревая, что даже в неточном названии таится угроза ландшафту. Во взгляде на природу как на пейзаж главенствуют эстетические представления, а в них заложена привычная для человека потребительская цель. «Прекрасный пейзаж» имеет меньше шансов сохраниться и выжить, чем «невзрачный пейзаж». Почему? Да потому, что человек безумно будет посещать первый из них, пока не затопчет, не заплюет, не утащит в карманах и лукошках, не разрушит равновесие природных компонентов. Так на земле происходит уменьшение красоты.

Взглянем на Беларусь как на природный ландшафт. Глаза разбегутся! Беларусь изобилует уникальными, характерными участками природы. Ландшафтное разнообразие 10 тысяч лет тому назад подарил нам Поозерский ледник, уползая из территории Беларуси и при этом нагромождая возвышенности, выпахивая озера и реки, перемешивая слои земли и камни в морену, подготавливая многовариантность растительного покрова.

В окрестностях Мозыря вы увидите изящные крутые холмы, поросшие дубом и грабом, зеленые долины меж ними, где выются ручьи и пасутся стада коров, – и воскликнете: белорусская Швейцария!

Логойские горы не высоки и не обрывисты, их нежная плавность, которую старательно копирует сосново-березовый лес, гармонично сливается с небесами, напоминает предгорья Карпат. Горнолыжная база, построенная здесь, обогатит белорусов эстетически.

На Полесье, возле деревень Переров и Хлупин Житковичского района, река Припять и ее многочисленные старицы взрастили влажные листовенные леса, непроходимые болота, каковые сохранились только в бассейне Амазонки, и называются они, как известно, тропики.

В двух шагах от белорусских тропиков вы с изумлением обнаружите белорусскую саванну, когда на открытой пойме Припяти увидите редко стоящие дубы. А рядом с саванной, естественно, должна располагаться

белорусская пустыня. Вот она – голая белая гора с красиво изогнутыми волнами песка.

Если хотите увидеть белорусскую тайгу, отправляйтесь на север страны, в район Верхнедвинска и Россон, где сосны и кедры создали поистине сибирский ландшафт, суровый, неприветливый.

Белорусская степь, где безлесные пространства открывают вашему взору десятки деревень, расположены под Слуцком и Солигорском.

Десяток озер и ручейков, соединяющих их, ваш взор охватит с высокой горы в Бегомльском районе. На горе будет стоять церковь, с ее звонницы вы увидите еще больше озер и ручейков. Вас засосут бесконечные переходы голубого в зеленое и – наоборот, будто вы наблюдаете с высоты фьорды Норвегии.

В окрестностях Чаус и Могилева вас заморозит природная геометрия, когда косые линии низеньких холмов пересекаются друг с другом, создают штриховую динамику, а кустики во впадинах источают синеватую дымку, создающую ландшафту мягкую шотландскую перспективу...

Заметили, для характеристики истинно белорусского ландшафта я пользовался небелорусскими понятиями и терминами: Швейцария, Карпаты, тропики, саванна, пустыня, Сибирь, тайга, степь, фьорды, Шотландия. Иноземные символы природы, известные по книгам и телевидению, понятнее белорусу, чем родные. Реальная, богатейшая на ландшафты Беларусь ему практически не известна.

Студенты четвертого курса дружно засмеялись, когда я упомянул странные и смешные, по их мнению, названия белорусских городков: Сенно и Лиозно. Молодые люди слышали их впервые в жизни. Как объяснить им, что Сенно и Лиозно окружены неповторимыми ландшафтами, которым угрожает бесконтрольная вырубка лесов?

Словосочетания «Белорусское Поозерье», «Новогрудская возвышенность», «Нарочанский край», «Полесская низменность», «Беловежская пуца» не вызывают у большинства белорусов личных видений, устойчивых ассоциаций, ясных воспоминаний. Ландшафты Беларуси, существующие вне эстетики белоруса, не стали символами страны, Родины. За одиннадцать лет школьников три-четыре раза вывезут на торопливую экскурсию в «известные места». Экологический туризм находится в зачаточном состоянии.

Красота природы, эстетика естественного ландшафта, прелесть старины – это слезы, в целом не свойственные прагматичному белорусу, в национальной литературе которого отсутствует обязательный для просвещенных народов период сентиментализма.

Мы выплакали свои слезы от горя и страданий. Озерами и реками не любуемся – взрываем их толком, кипятим электротокком, травим химикатами. В лесу не слушаем птиц, а распугиваем пьяными песнями, дымом костров. В Брестской крепости разводим огороды. На Замковой горе в Турове сажаем картошку. Руины Кревского замка превратили в мусоросборник. Мирский замок приводим в божеский вид уже четверть столетия, конца этого долгостроя не видим, но в тридцати километрах зачали еще один – спасение

Несвижского дворцово-замкового комплекса. В 2004 году вокруг реконструкции Августовского канала создали потребительский ажиотаж, обещая миллионные прибыли от иностранных туристов, которых в Беларусь привлекут первоклассные гостиницы, которые никогда не будут расставленные вдоль канала, потому что таких гостиниц нет даже в столице...

«Уважаемый Анатолий Козлович! Давно слежу за вашими писаниями, поддерживаю ваше страстное желание возбудить в людях экологическое сознание. Как инженер лесного хозяйства вижу, что вы овладели определенными специальными знаниями, это приветствуется. В основном вы адекватно освещаете природоохранительную ситуацию в Беларуси, которую я считаю катастрофической, особенно после того как у Беловежской пуцци отобрали статус заповедника и заменили национальным парком. На примере пуцци государство показывает своим гражданам, что в природе прежде всего надо видеть и изымать продукт: лес, рыбу, зверя, гриб. Нашу организацию душат планом заготовок. Высокие слова чиновников, включая президента, о заповеданности природной красоты – игра. Беловежская пуца, ставшая объектом лесозаготовок, обречена стать обычным белорусским лесом. В природоохранительном деле отсутствует главный компонент – моральность.

Мне кажется, что и вы в своих «зеленых» очерках не всегда морально безупречны. Защищая родное для вас Полесье от чересчур усердных мелиораторов, вы правильно говорите о необходимости сохранить полесские болота как уникальный уголок Европы, как эталон дикой природы, как вечный стабилизатор для поддержания водного баланса и климата. Что же вы советуете мелиораторам и тем, кто ими руководит? Вы направляете татаро-монгольское нашествие мелиораторов на север и восток Беларуси, где много всхолмленных площадей, заросших кустами, заваленных камнями. Ваше предложение: выкорчевать, выровнять, распахать, засеять! Без ущерба для природы получим новые поля и заживем счастливо. Так вы рассуждаете. Логика ваша бесчеловечна.

Я никогда не буду счастлив, если рядом с моей деревней в Шумилинском районе бульдозер выкорчует красивые рощицы, грейдер сровняет милые холмики, экскаватор зароеет ледниковые валуны. Без родного ландшафта от меня мало что останется. Учитывайте это, уважаемый мной Анатолий Козлович, иначе на севере и востоке Беларуси вас возненавидят.

Фамилию не называю. Не хочу потерять работу».

Бесфамильный инженер прав. Я действительно писал, что кусты, камни и взгорки можно окультурить под пашню безболезненно для природы. Увлечшись экологической географией, я не подумал о человеке. Приношу глубочайшие извинения жителям Витебщины и Могилевщины, которым причинил боль пропагандой так называемых культурно-технических работ на их родине. При этом хочу добавить, что в моих извинениях подавляющее большинство жителей указанных областей, как и всей Беларуси, не нуждается. Потому что им все равно.

За много лет эколого-журналистской службы я зафиксировал в стране лишь пять случаев обороны белорусами родного ландшафта, о каждом разразился очерком. (Если читателям известны подобные случаи, убедительно

прошу сообщить мне.) Белорус, защищающий природу, – это пришелец из другого мира, настолько он отличается от экологически безграмотной, а потому смертельно опасной человеческой массы. Каждого нового пришельца я встречаю как ангела во плоти, посланного нам Богом от отчаяния.

В деревне Столовичи Барановичского района живет и работает Валерий Иосифович Кирилло, тракторист, изобретатель, предприниматель. О нем по моему сценарию снят документальный фильм под грустным названием «Взлететь бы!» Он не взлетел, его самодельный самолет недоброжелатели сожгли в сарае. Сейчас он расскажет о ландшафтах. В рассказе я немного изменил фамилию председателя колхоза: его уже нет на этом свете, не хочу позорить его детей.

Будьте внимательны, не упустите деталей и нюансов:

«Наш председатель, Чухлов, терпеть не может, если где-то что-то растет не по его приказу. То ли это человек, то ли куст. Были у нас дороги обсажены липами, посадили когда-то школьники. Чухлов все выкорчевал. В Столовичах была липовая аллея вдоль сада, с полкилометра длиной, красивая. И эту выкорчевал. Так жалко!

Потом Чухлов решил спустить Домашевичское озеро. Привез железные трубы, нанял где-то экскаваторщика: копай траншею, клади трубы, спускай воду. А зачем? Попробуй додумайся, что у Чухлова в голове. Мы, я и друзья, написали ему петицию: не трогайте озеро! Подписалось человек пятьдесят. Испугался, пока не лезет к озеру. Экскаваторщика мы прогнали сами. Припугнули, что за озеро ответишь, если выполнишь безумную команду Чухлова.

Чухлов без ума от мелиорации, особенно за счет государства. Он высушил бы все до последней капли. Осушит болото – забросит. Высушит лужок – и забудет о нем. Потом все зарастает бурьяном. Мелиорация для Чухлова – это показать власть над всем живым. Угробить живое.

Расскажу про нашу березовую рощу. Красотища! Больше нигде вы не увидите такую большую чистую березовую рощу, как у нас, рядом со Столовичами. Она похожа на церковь. Раньше там проводили праздники, народные гулянья. Люди съезжались со всего района. Там, на поляне, была сцена. Там обычно вручали грамоты, призы. Я на ней тоже стоял много раз. На поляне были спортивные сооружения, волейбольная площадка, шахматные столы. Можно было хорошо провести время. И вот начали бороться с пьянством. А это одно и то же, что бороться с народом. Чухлов любит бороться с народом. Перекопал к роще дороги, огородил ее проволокой, запустил туда пастись колхозных телят. Четыреста телок вытоптали ту рощу, опоганили, уничтожили красоту.

Люди стали возмущаться, написали письма начальству. И я написал. Колхоз оштрафовали. Забор Чухлов убрал, телок там больше не пасет. А роща гибнет. Видели, сколько пней! Рощу рубят на дрова чухловцы, их у нас много. Больше, чем нормальных людей. Чухлов воспитывал их двадцать лет. Ну, чем ему мешал в Столовичах дуб?! Триста пятьдесят лет простоял, никому не мешал, пережил столько правительств и властей, а Чухлов командует: дуб сломать! Приказывает мне. У меня трактор самый сильный. Я поехал.

Схитрил: дернул пару раз, специально порвал трос. Думаю, Чухлов отстанет от дуба. Говорю ему: пусть стоит, дуб украшение для деревни. И поехал я оттуда. Тогда Чухлов привез бензопилы, за вечер чухловцы дуб спилили. Теперь у Чухлова нет конкурентов на территории колхоза. Чухлов самый могучий дуб.

Приказывает: осушите это вонючее болото! Ну, наши бульдозеристы что: приказано – выполним. И пошли рыть последнее болотце, уродовать, кромсать. А там бобровые хатки. Мы с друзьями кинулись спасать. А как спасти? Чухлов никого не боится, у него в районе своя рука. Мы к бульдозеристам: вот так, знайте, чухловцы, за каждую хатку бобровую будете платить. Только троньте! Те в ответ: а вы кто такие, а ну отсюда! Чуть не дошло до драки на том болоте. Но чухловцы испугались штрафа. Так мы спасли красивое болотце, бобров. А многого тут не спасли...»

В роще Валерия Кирилло я побывал. Она уже не похожа на церковь. Типичный редкий лес, заваленный отбросами человеческой жизнедеятельности. Ангелы, отпавшие от Бога, превратились здесь в бесов. Один из них – во плоти замполита колхоза Ольги Егорковой (фамилия слегка изменена). Мне представился редчайший случай записать на магнитофон его (ее) монолог:

«Загубили рощу, говорит ваш Кирилло. Поглядите на эту рощу! Ну, что там загублено? Что?! Другое дело, руки до нее не доходят больше, ну, убрать там, что бурелом повалил, сделать аккуратно все. А эта роща! Да она там вообще-то и не нужна, если на то пошло! У нас вокруг той рощи лес прекраснейший. А эта роща среди поля. А сколько из-за этой рощи порчи хозяйству! Вокруг нее все время делаем дорогу. А сколько посевов вытаптывают! Сколько едут, как кому вздумается! Сколько мы недобираем там хлеба! За счет дорог, за счет воровства. Один год там был картофель, так он был порыт все равно как не людьми, а зверьми. Потому что едут в рощу и оттуда совершают набег на поле. Ну, мы не будем спорить про эту рощу, оставаться ей или быть, пусть себе будет на здоровье, но я знаю, что вреда ей, что паслись там телки, вреда ей никакого нет. Роща растет, и еще лучше стала. Люди собирали в этом году грибы и ягоды, и ничуть они не хуже, чем раньше были.

По бобрам. Я, например, вообще тех бобров не видела. О каких бобрах он говорит? Да неправда, что он говорит! Где те бобровые хатки? Где то болото, что он спас? Вот покажите мне! Я его по сей день не знаю. Озеро Домашевичское. Ну, поглядите вы на то озеро – что, оно хуже стало? Озеро стало в своих границах, люди имеют тридцать гектаров сенокоса. Или сорок. Где рос один аир. В том-то и дело, что его надо спустить, вычистить, сделать, чтоб оно было аккуратным озером. А когда стали спускать – стали писать в газеты. Некоторые защитники. Кирилло нашелся, видите ли, болельщик ... за природу. Ему хоть бы чем отличиться, понимаете? Он хочет выпятиться. Вряд ли у него болит душа».

Из статьи Николая Козловича, студента-журналиста, моего младшего сына (январь 2003 г.):

«В 1991 году в Минске, на пустыре между Восточным кладбищем и улицей Калиновского, священнодействием Алексия II основан храм «В честь

всех Святых, в память безвинно убиенных». Выделили ему место среди колдобин и ям, рядом с гаражами, станцией технического обслуживания, небольшой заправкой.

Возводить церковь начали через пять лет, в 1996 году. Продолжается строительство и сейчас.

В прошлом году рядом с будущим храмом построили новую заправку, самую современную. Сделали это быстро, будто в насмешку над соседним долгостроем. Храм и заправка стоят впритык, как будто церковь и заправка – одно хозяйство. Между храмом и заправкой вкопаны два железные ящички с песком.

На заправке постоянно заправляются и отъезжают машины. Здоровый мужик матерился вслух. От гаражей слышался стук железа. Представьте себе, что будет, когда церковь наконец-то откроют, когда начнется богослужение! Музыкой зазвонят колокола, запоет церковный хор – а рядом будет пищать тормозами авто.

Возмущаться по поводу близорукости чиновников, которые планировали застройку района, сейчас не имеет смысла. И заправку не разрушишь, и церковь не снесешь. Единственное, что можно сделать, – огородить АЗС забором, провести хоть какую границу между духовной и автомобильной жизнями.

Хорошо, что в нашей стране строят церкви, но плохо, что их строительство часто носит формальный характер. Я видел храмы, расположенные в самых невероятных местах, – в низинах, в болотах, на глухих задворках.

Раньше было по-другому. Церкви ставили на возвышенностях, в самых лучших местах, чтобы каждый мог легко найти дорогу к Богу. Церковь в микрорайоне «Восток» – еще одна заложница формализма. И те, кто принимал решение о строительстве храма на голом пустыре, и те, кто давал разрешение на открытие рядом с храмом АЗС, плюнули в душу верующим.

Зато бензин в микрорайоне «Восток» – божественный».

Мы были вместе с сыном и возле будущей церкви на автозаправке, и возле умирающей Коложи, где в начале 2005 года после перерыва появились строители, которые, как сказал по радио их начальник, «возобновили укрепительные работы на речном склоне под Коложской церковью». Мне кажется, они опоздали.

Я рад и не рад, что сына тревожит то же, что и меня. Ему предстоит жить в том мире, в котором красоты будет еще меньше, чем было в моем. Красота не спасет мир, потому что ее безумно выливает из мира человек.

2005